

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

1970 г.

Если позади нас бесконечность, то мы уже случились, по сути дела. Необходимой антиномией такой мысли является идея вечного возвращения, все время вынырывающая в истории космологической мысли. См. забавные рассуждения Борхеса в беседе с Шарбонье (т.е. идея вечного возвращения есть просто антиномия мысли о бесконечности).

Tension constante faite profession à appareil théorique = philosophie.
Орудие магматической сознательности, квазирелигиозное (акультурное?) по форме и «месту» своего применения свободным духовным производителем. «Нужно всеми силами стремиться к познанию истины» (или: «мужество — это честно думать»). Сознание есть страсть, эмоция, как показано и со стороны психоанализа. Поэтому предметом философии является сама философия. Философы *держат философию*, а системы их рушатся, составляются и распадаются (не это они делали, и пусть это уносится временем... не обернешь этот последний факт против них...) — так же как для мистиков основным объектом веры является сама вера, а не ее области и завоевания, к-рые как угодно могут делаться, определяться и перекраиваться, будучи подвержены закону: *sic transit gloria mundi*.

В тайне времени, трагедии бытия и светлых радостях мысли должны нести — ибо только со-бытийствуя и держа время и мысль, мы реализуемся, — нести то, что не может рефлекторная душа, душа в своей реактивности, — та, о к-рой сказано поэтом: «Простой душе невыносим дар тайнослышанья тяжелый».

Человек есть не состояние, а усилие.

Мы вовсе не коммуницируем с другими или с «Другим вообще» — мы восполняем другими, другим. Поэтому нельзя утратить великую социал-историческую идею о максимальном развитии человеческой силы через максимальное число отношений и связей, в которые *реально* вступает и [которые] реально практикует

человек (Фурье – Маркс). Но это должно быть понято как *бытие*, раскрывающее человеческие возможности, а не инструментально, не буржуазно. С этой идеей социализации ([т. е.] присваиваемой человеком производительной силы общения, эффекта общественных сочетаний труда в ракурсе бытия) связаны еще две великие идеи: объективации и индивидуации (вернее, они все могут быть «проиграны» через индивидуацию); теория может быть построена, даже если лишь один действует лично (т. е. берет на себя ответственность).

Одной личности достаточно, чтобы индуцировать весь мир. А миру нужно, чтобы его воспринимали. Достаточно одного. Как Бога. И нам невыносима мысль о смерти именно потому, что миру нужно, чтобы его воспринимали, т. е. безлично. Лишь безличностный страх смерти, неприятие ее, безличностное бессмертие делают жизнь полной, т. е. организованной с <...> сознанием *личной* смерти и преходящести, с постоянной памятью лица смерти. В этом смысле прав Спиноза: «свободный человек не думает о смерти», т. е. в том смысле, что он как раз думает о ней и не принимает ее как смерть внеличного в личном, и организует свою жизнь, не придавая значения личному, о смерти к-рого он знает и к смерти к-рого живет.

Читая Хлебникова: поэт сказал «Зангези». Он сам должен быть Зангези (*ex nihilo*). Печальная судьба — собой моделировать на износ! (Я не имею в виду какое-либо психологическое перевоплощение, вживание и т. п.) Речь идет о материи — о слове, краске и т. п., о символических состояниях.

Прекрасное выражение у него же: «сумрак качеств» («игра количеств за сумраком качеств»).

Весь мир есть одно мгновение. Мгновение, бесконечно в себе рефлексированное и длящееся. Все есть — и ничего нет, все становится.

Сознание вообще есть нечто антивременное, противостоящее потоку времени, рождение бытия порядком сознания (т. ск., антихаос, несущий с собой <интенцию> максимально постигнутого предмета, или, иначе говоря, окончательного рождения, — «пр пребыть *раз* навсегда»). Отсюда символы смерти и бессмертия как обозначения этого обстоятельства. Ср. гуссерлевские «интенциональные потоки». Не здесь ли Хайдеггер с Гуссерлем разошелся? Ибо все

существенное в человеческом облике и экзистенции нельзя получить (чисто по-гуссерлевски) без взгляда от бытия (в т. ч. анализом, пусть даже и трансцендентальным, акта сознания).

В «*De apice theoriae*» (Op. I, f. 220) Ник. Кузанский (в изложении С. Франка) рассуждает след. образом: когда мы спрашиваем, есть ли что-либо, или его нет, то это предполагает возможность быть или не быть. Но сама эта возможность как условие бытия и небытия — может ли она не быть?

Если мы уясним себе, что Бог есть не предметная реальность, не высший объект действительности, а бытие как сушая возможность всего мыслимого, всего, что есть и чего нет, то мы непосредственно усмотрим первичную, превышающую всякий вопрос и всякое сомнение очевидность бытия Бога.

Как посолить соль (если ее нет)?

Универсальность производительной силы, способности, в отличие от всегда частного предметного выполнения (в этом срезе разрешима проблема объективации, проблема отношения объективации и живой субъективности — поскольку синтезирующий их уровень есть сила сознания). Но силы сознания суть бытийные силы. В этом смысле идея Фурье – Маркса, прорвавшая горизонт спекулятивных философий самосознания, идея универсальной производительной силы как самоцели есть открытие слоя бытия. Слой бытия явлений «свобода». Слой индивидуально-цельных самодостаточных явлений, *сил*. Здесь же завязывается (и развязывается) нить проблемы полноты бытия, полноты сознания-бытия, которая фактически была поиском и требованием *потенцированного бытия* (а не бытия-спектакля) и разрешалась в терминах 1) теургического акта, 2) детской свежести и непосредственности мира, «приближающего оживления». Но это спекулятивные, классицистские остатки. Самодостаточное бытие, потенцированное бытие (а идея Фурье – Маркса есть принцип потенцированного бытия) есть самостоятельное, обладающее структурой целое, есть субъект, требующий к себе уважения, неподатливый и самоценный материал, навязывающий свои законы. И человеку не вырваться (и не должно вырваться) из единства естественного (природного) и человеческого (общество — «вторая природа» не в том смысле, как это обычно говорят, т. е. не в смысле окружения, а в смысле новой естественной, или естественно-исторической, силы). Сам человек и его развитость выступают как элемент бытия, как естественное состояние и сила. *В этом бытии ничего нет, есть только становление всего.*

Риск, неопределенность, обращение к тому, что *de facto* установилось в потенцированном бытии, ориентация на него, а не на конечные разумные основания, не на сопряженность с гарантными кирпичиками в конце времен.

Милость.

Мы даны себе (оборотная сторона заброшенности, к-рая есть то же самое по отношению к внешнему миру). И являемся себе. И себя не знаем. Потому что мы даны себе как часть океана психики и океана бытия-сознания, промывающих наш биологический материал. Мы погружены в него и сами являемся событиями. Как нам узнать, *что* мы есть? Трансцендентальная филос. схема (правило образования предмета есть содержание предмета). Что ускользает от нее?

Человечество пока есть попытка стать человечеством, эксперимент (начавшийся в «осевое время» и пошедший разными, но спирально встречающимися путями), к-рый может не удался. Если он удался, мы будем говорить, мыслить, общаться, производить иначе, чем сейчас, и проблемы, к-рые существуют для исчезающе малого меньшинства, будут существовать для всех и будут решаться в риске и неопределенности, создавая радикальный механизм жизни, бытия и их воспроизводства.

Не дай бог тебе пришла в голову какая-либо идея и ты ее высказал! Люди тебя к ней приковывают, налагают ее на тебя как обязанность, как идол, верным стражем и служителем которого ты должен быть, ждут от тебя жизни в ней, и запрещается их разочаровывать. Самое верное рабство. И стоит только интерпретировать это ожидание — прощай, свобода! Ужасно это: «я» глазами сотен ожиданий, распят на «примерности» самого себя, «ореол великолепия и славы» (ср. греческое сияние великолепия, излучаемое истиной как «явлением»), как на кресте (но не есть ли крест Христов — как обращенный к идолопоклонникам — ирония?). Шутовство Сократа *versus* греческий героизм и «серьезность» (собственная «экземпляриность») софистов. Или ср. попытку Кьеркегора развернуть себя (и тем освободить) в инкогнито и многопсевдонимике. Только б не создался образ в фокусе тысяч зеркал! На котором тебя и распнут.

Чтобы все это выразить, т. е. фактически самому до конца понять на выражающей форме, чтобы эксплицировать свершением чудящуюся мне философию, мне не хватает быть *большим* этим, быть большим в ницшевском смысле слова, здоровье сопротивляется инстинктивно во мне философствованию (к-рое слишком серьезно и чудится требующим моей телесно-духовной субстанции), и, как ни парадоксально, сопротивляясь, т. е. охраняя себя, оно временами болезненно ингибирует во мне философствование вообще, работу как таковую. И я бываю болен (!).

Среди запретов, грехов христианства есть только один абсолютный, высший грех — продать душу дьяволу. Символ, метафора, поддающиеся довольно интересной интерпретации. Я так часто встречаю именно этот грех, и так он мне отвратителен, что мне кажется, я понял, что имелось в виду этим единственным внешним и абсолютным запретом, для нарушения которого не было прощения (христианство ведь не запрещало грех как таковой — оно лишь требовало раскаяния и покаяния... и давало его — за одним-единственным исключением)¹.

Понимание не может не быть горьким. У того, кто понимает, видит скрытое сцепление механизма событий, неумолимо наступающих вопреки желаниям и предпочтениям понимающего существа, душа и дух всегда обременены горечью. Но отсюда же стоицизм и презрение к судьбе. О, сладость непонимания! И о, сладость понимания! Сладко-тоскливый плод.

Если резюмировать само- и мирочувствование современного (неклассического) интеллигента, то одним из глубоких выражений его будет: скромность есть свобода. От «кто мы, собственно, такие?» только и лежит путь к гордости и независимости, к свободному, действительному (и бескомпромиссному) выполнению своего призвания, коренящегося в экспериментальной вере, отличающей данного индивида и руководящейся знаменами (знаками для интерпретации = производству бытия). И допускающей множественности других призваний.

Мужество и высшая самодисциплина интеллектуальной энергии перед лицом неантропоцентрического мира.

¹ «Подведение идеи под грех и есть продажа души дьяволу...» См. наст. издание стр. 802.